

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 17, Социология

— плохая аудиопроверка первые 3 минуты

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

На следующем занятии мы вернемся, чтобы собрать воедино большую часть наших дискуссий на предыдущих нескольких занятиях, связанных с более герменевтической теорией, касающейся авторских подходов, ориентированных на историю, подходов, ориентированных на текст, и подходов, более ориентированных на читателя, включая деконструктивизм. Мы соберем все это вместе и рассмотрим, как мы можем реализовать это в евангельском подходе к герменевтике и интерпретации и как эти методы могут быть интегрированы и реализованы. Но на этом занятии я хочу перейти к обсуждению ряда других методологий, связанных с герменевтикой и интерпретацией, и сегодня мы начнем с рассмотрения социологической критики или того, что иногда называют социально-научными подходами к интерпретации Древнего мира. Новый Завет.

На самом деле, эти подходы в некоторых отношениях слишком широки, чтобы их можно было освоить, по крайней мере, для меня, и слишком широки, чтобы их можно было рассматривать здесь подробно. Поэтому я могу только надеяться познакомить вас с некоторыми очень широкими контурами социологических подходов и социальных, так называемых социальных научных подходов к Ветхому Новому Завету. В какой-то мере социологические подходы возникли из недовольства другими методами интерпретации, и когда мы рассматриваем социологические подходы или социальную научную критику, важно понимать, что ученые определили по крайней мере две области или два разных подхода к социологической критике.

Номер один — это исследование социального происхождения текстов, библейских текстов, социального происхождения и истории библейских текстов.

Таким образом, этот подход во многом пересекается с некоторыми традиционными историко-критическими подходами, о которых мы уже говорили. Но вторая область или направление подхода к социальной критике — это исследование социального фона текстов, библейских текстов, социального происхождения и истории библейских текстов.

Таким образом, этот подход во многом пересекается с некоторыми традиционными историко-критическими подходами, о которых мы уже говорили. Но вторая область или направление подхода к социологической критике — это исследование социального фона. Но третья область или направление подхода к социологической критике — это применение современных социологических моделей, взятие целых моделей и массовое применение этих моделей к библейскому тексту. или отрывки библейского текста, чтобы объяснить, что происходит. И опять же, как я уже сказал, область слишком широка, и, по крайней мере, мой опыт слишком ограничен, чтобы вдаваться в подробности этого подхода.

Но опять же, я хочу подогреть ваш аппетит и хотя бы дать представление о том, что это такое и чем оно может быть полезно. Прежде всего позвольте мне сказать, что существует множество книг, которые могут помочь в изучении социальных аспектов текста Ветхого Нового Завета. Книги под названием «Социологическая критика» или «Социологические подходы к интерпретации текстов Ветхого Нового Завета» и тому подобное.

Но позвольте мне кратко рассмотреть эти два разных аспекта социологической критики. Опять же, это исследование социального фона библейского текста, а затем второе исследование массового применения целых социологических моделей, особенно современных социологических теорий и современных

социологических исследований к библейскому тексту. И я просто приведу несколько примеров того, как это было сделано.

Итак, прежде всего, если взглянуть на социальную подоплеку библейского текста, и, как я уже сказал, эта область во многих отношениях могла бы подпасть под зонтик при рассмотрении методов интерпретации, могла бы подпасть под более широкий зонтик исторических подходов к Ветхому Новому Завету, в котором вы изучаете историю текста, исторические ссылки в тексте. Частично это может быть связано с социальным фоном и социальными аспектами более старого текста Нового Завета. И это именно то, что делает этот метод.

Он рассматривает социальный фон или социальные измерения, прямо или косвенно упомянутые в тексте. Он стремится раскрыть социальные структуры или социальные ценности в древнем библейском мире. Опять же, если посмотреть на социальную динамику, скрытую или явную, в библейском тексте, которая повлияет на то, как мы его читаем и подразумеваем, читаем и интерпретируем.

И очевидно, что тогда это будет функционировать или должно функционировать, чтобы пролить свет на понимание и интерпретацию текста. Однако трудность заключается в том, что для большинства из нас это может быть справедливо не для всех культур, но для многих культур, включая мою собственную, трудность состоит в том, что наша культура, социальные ценности и динамика, с которыми мы работаем, временами сильно отличаются от и далеки от социальных ценностей, размеров и динамики древнего библейского мира. Очень простой пример: древний мир ценил общину выше индивидуальности.

Он ценил группу, семейную ячейку или сообщество, к которому принадлежал человек, что затрудняет жизнь людей, живущих в крайне индивидуалистических обществах или обществах, где приемлемо или уместно изолировать себя и где упор делается на то, кем является человек как личность и чего они достигли как личности. Когда кто-то читает библейский текст, иногда это может создать барьер в понимании общества, которое социально ценило сообщество, поэтому более важным, чем то, кем вы были как личность, была группа, к которой вы принадлежите. И поэтому иногда этот разрыв между нашим миром и миром древних текстов может стать барьером.

Поэтому необходимо попытаться проникнуть в то, что могло бы быть социальными ценностями, социальной динамикой и социальным фоном, на которые прямо или неявно ссылаются или которые лежат за библейским текстом, чтобы попытаться понять его более ясно. Фактически, как признали некоторые, применяющие социологический анализ к тексту, особенно ученые-евангелисты, это необходимо по аналогии с личностью Иисуса Христа, который является воплощением Бога в мире, управляемом социальными ценностями. Таким образом, тот факт, что Иисус был Богом, воплощенным в определенном социальном контексте, в историческом контексте, означает, что нам надлежит исследовать или стремиться к воплощению, как некоторые описывают это, воплощенному взгляду на герменевтику, где мы спрашиваем, вопрос о социологическом контексте, в котором был создан библейский текст.

Я снова оперирую предположением, что мы хотим понять текст сам по себе, в его историческом и социологическом контексте, в свете того, что было общим между древним автором и древними читателями, которым он писал. И поэтому мы должны познакомиться с древним миром Ближнего Востока или греко-римским миром, а также с социальной динамикой и социальными ценностями, которые определяли образ их жизни и которые теперь отражены в текстах

Ветхого Нового. Завет и как это может повлиять на то, как мы интерпретируем текст. Особенно, если мы склонны читать это в свете наших собственных социальных ценностей и нашего социального контекста.

Итак, я хочу просто дать вам несколько очень кратких примеров того, как социальные ценности в частности или социальная динамика, то есть, как люди относятся друг к другу, как они смотрят на жизнь, как их отношения и жизнь регулируются в обществе. и культура, в которой они живут, и как это имеет значение или как это может повлиять на то, как человек читает библейский текст. Например, как я уже сказал, в вашем распоряжении может быть ряд инструментов, которые помогут вам разобраться в некоторых социологических основах текста Ветхого Нового Завета, но я дам вам лишь несколько примеров. Как мы уже говорили, одним из важных и ключевых социологических измерений или ценностей библейского мира была ориентация не на человека, а на группу, к которой он принадлежит.

Итак, как я уже сказал, самым важным было не то, кем вы были как личность или чего вы достигли как личность, а семья, к которой вы принадлежите, или группа, к которой вы принадлежите, или сообщество, к которому вы принадлежите. Так что семья зачастую семейная принадлежность и верность ценились превыше всего. Опять же, мы здесь, по крайней мере, в моем собственном североамериканском контексте, мы часто видим очень отчетливую разницу, где иногда семейная лояльность и даже иногда фрагментированные семьи часто являются нормой, и часто между членами семьи и семейными единицами часто нет такой связи, но в В древнем мире, особенно в греко-римском мире, семейная ячейка ценилась выше многих или почти всех других отношений и единиц.

Читая текст таким образом, читая библейский текст, можно обнаружить утверждения, подобные этому, сделанные Иисусом, довольно шокирующими и бросающими вызов, по крайней мере, для древнего читателя. Большинство из нас, вероятно, читали этот текст и не особо задумывались о нем, но я убежден, что древние слушатели, те, кто слышал слова Иисуса, и те, кто затем прочитал текст, сочли бы это довольно шокирующим, а может быть, даже оскорбительным. Когда в главе Марка есть и другие примеры этого в параллельных отчетах и других синоптиках, но я взгляну на главу 3 Марка и стихи 31 и до конца главы, стих 35, который, вероятно, также применяет категории критики формы. .

Это пример рассказа-высказывания, где кульминационное высказывание кажется ключевой особенностью текста, но послушайте, что говорит автор, историю, которую рассказывает автор. Затем прибыли мать и братья Иисуса, и те, кто знаком с социологическими аспектами древнего мира, сразу же осознали наличие важного социологического измерения. Теперь прибыли мать и братья Иисуса, его семья.

Стоя снаружи, они послали кого-то позвонить ему. Вокруг сидела толпа, и они сказали ему, что твоя мать и братья ищут тебя снаружи, и мы могли бы не подумать, что это необычно, но опять же в этом контексте, который лишил семейную ячейку, это было решающее заявление. Затем Иисус отвечает: «Кто моя мать и мои братья?», — на этот вопрос большинство ответило бы, подчеркнув физическое происхождение, физические семейные связи и физическую семейную единицу.

Но то, что Иисус говорит в ответ на этот вопрос, в некотором смысле контркультурно. Когда он сказал, то посмотрел на сидевших вокруг него и

сказал: вот моя мать и мои братья и сестры. Кто исполняет волю Божью, тот мне брат, сестра и моя мать.

Это опять-таки шокирует, потому что Иисус в каком-то смысле изменил определение семьи, включив в нее не только тех, кто состоит в родстве из плоти и крови или физического происхождения, но теперь Иисус определяет ее как любого, кто исполняет волю Отца. Таким образом, Иисус определяет семейную ячейку не физически, а духовно, что, я думаю, было бы довольно шокирующим и, возможно, даже оскорбительным, хотя и не для нас, по крайней мере для многих читателей первого века. Этот акцент на семейной ячейке как ключевой социологической ценности первого века может также объяснить такие случаи, как то, что мы находим в таком тексте, как глава 16 Деяний, где целые семьи часто откликались на Евангелие и откликались на спасительное послание Иисуса. Христос, Деяния, глава 16, стихи 14 и 15.

Одной из слушавших была женщина из Лидии, торговка пурпурной тканью из города Фиатир, поклонявшаяся Богу. Господь открыл ее сердце, чтобы ответить на послание Павла. Когда она и члены ее семьи крестились, она пригласила нас к себе домой.

Обратите внимание на интригующее упоминание о том, что не только Лидия, но и вся семья обратилась, а затем крестилась. Вероятно, это немного легче понять, хотя, очевидно, существуют богословские проблемы и объяснения, по крайней мере, на социологическом уровне. века греко-римского мира. это, вероятно, также отражено в заявлении Павла в 1 Тимофею, главе 3 и стихе 15, где он, собственно, пример для автора письма, точно говорит нам, почему он его пишет.

Но в 1 Коринфянам, извините, 1 Тимофею, глава 3 и стих 15, Павел говорит: «Я вернусь и прочитаю стих 14». Хотя я надеюсь скоро прийти к вам, я пишу вам эти инструкции, чтобы, если я задерживаюсь, вы узнаете, как людям следует вести себя в доме Божием или в доме Божием. Поэтому даже церковь Павел часто сравнивает с семьей, то есть он изображает церковь с точки зрения родственных связей, семейной ячейки, которая имеет такие же тесные связи, как и физические, и что Павел ожидает, что они покажут та же забота и забота друг о друге, а также та же поддержка, что и в более широком смысле, фактически в физической ячейке семьи и физических родственных связях. Итак, это одна социальная ценность, которая кажется важной в Ветхом и Новом Завете, — это акцент на группе, к которой человек принадлежит.

Поэтому я думаю, что фраза «Ни один человек не является островом», ни один человек не является островом, безусловно, была верна в библейском мире, потому что более важным, чем то, кем вы были как личность или чего вы достигли как личность, было то, к кому и к какой группе вы принадлежите. особенно семейная ячейка и родственные связи являются важнейшей социальной ценностью. Другой важной социальной ценностью была честь-стыд. В частности, Новый Завет раскрывает общество чести и стыда, и это означает, что от вас должны были избегать стыда любой ценой, от вас ожидали, что вы избежите навлекать на себя позор, действуя приемлемым и благородным образом, и если вы, если ваша честь была потеряна, вы должны были действовать таким образом, чтобы восстановить ее.

Так, например, возвращаясь к притче о блудном сыне, которой мы уже уделили некоторое время в 15-й главе Луки, притче о блудном сыне, мы уже предложили несколько интригующих особенностей этой притчи, но в моем По моему мнению, его можно ясно понимать как действующее в соответствии с измерениями чести и стыда первого века. То есть, но когда сын просит у отца

свое наследство, он на самом деле позорит отца. То есть, некоторые сказали, что это почти равносильно желанию смерти отца, потому что, как и после его смерти, наследство получит сын.

Таким образом, сын поступает таким образом, что позорит отца. И более того, если бы, как я предположил, возможно, действие этой притчи происходит не на какой-то ферме в глуши, а в типичном древнем ближневосточном городе и деревне, все бы наблюдали и знали, что произошло, возможно, что случилось. И вот интересно, что отец не только навлекает на сына бесчестие, выпрашивая его наследство, но и то, как поступает отец, самый свой, выбегая, чего не делал отец, и приветствуя сына, имевшего поступил с ним таким образом, отец еще больше рискует своей честью и рискует своей репутацией и положением в обществе.

Таким образом, на карту поставлена сама его репутация, и он фактически навлекает на себя позор, действуя именно таким образом. Другой пример: в Евангелиях вы часто встречаете Иисуса, особенно ближе к концу Евангелий, вы видите, как Иисус вступает в дебаты или споры с религиозными лидерами, будь то саддукеи или фарисеи, различные иудейские авторитеты, и часто это происходит в условия, согласно которым еврейские власти задали Иисусу вопрос, чтобы поймать его в ловушку. И, скорее всего, то, что происходит, когда они задают Иисусу вопрос, происходит не просто потому, что у них есть проблема, которую они хотят решить, или они просто ищут информацию или хотят посмотреть, сможет ли Иисус действительно ответить на вопрос, хотя это может быть частью этого, но, скорее всего, задавая таким образом вопрос, они бросают вызов чести Иисуса.

Они пытаются опозорить Иисуса в культуре, которая ценит честь, которая работает с динамикой чести и стыда, и когда Иисус часто отвечает, задавая

ответный вопрос, это равносильно позору его оппонентов. Поэтому иногда Иисуса спрашивают о другом библейском тексте, или я думаю о загадке, которую они представляют, если женщина выходит замуж несколько раз и все ее мужья умирают, чьим мужем она будет, жена, будет ли она в воскресении, такие вопросы все они предназначены, опять же, не просто сбить Иисуса с толку, хотя они и делают это, и поставить его на место, но, вероятно, бросить вызов его чести и опозорить его. И затем, как я уже сказал, Иисус часто делает то же самое, задавая вопросы своим оппонентам.

В Откровении 2 и 3, семи посланиях к семи церквям, которые обеспечивают фон и контекст для написания книги Откровение, вы часто видите Иисуса, Иоанна, говорящего слова Иисуса, записывающего слова Иисуса семи церквям. , вы обнаружите, что Иисус использует термины своих оппонентов, такие как Иезавель, текст Ветхого Завета или синагога Сатаны, и подобные термины. Одной из вещей, среди прочего, которую могут выполнять эти термины, опять же, является функция пристыдить оппонентов в обществе чести и стыда. И есть ряд других примеров, которые мы могли бы привести, когда библейские авторы могли бы работать с динамикой чести-стыда, с идеей о том, что человек должен действовать таким образом, чтобы приносить честь, и избегать действий, которые навлекут на него позор.

Еще один довольно интересный, и я коснусь его очень кратко, но интересный социологический аспект заключается в том , что он был наиболее четко и заметно изложен исследователем Нового Завета, который, возможно, больше, чем кто-либо другой, провел прикладное социологическое исследование и анализ текстов Нового Завета: человек по имени Брюс Молина. А Молина разработал то, что он назвал теорией ограниченных благ, и он сказал, что, особенно когда дело касается богатства, богатство существует в ограниченном

количестве. То есть если у кого-то было богатство и деньги, то это было за счет кого-то другого.

Если у кого-то были деньги, то у кого-то их не было. У нас есть поговорка, иногда можно услышать поговорку в североамериканском английском, что это нечто большее. В первом веке, с появлением теории ограниченных благ, это утверждение можно было пересмотреть и сказать, что его больше нет.

Проще говоря, такое понимание теории ограниченных благ, вероятно, могло бы объяснить недовольство бедных по отношению к богатым, отражение которого вы видите несколько раз в тексте Нового Завета, а также даже в греко-римском мире в более широком смысле. Последняя социологическая ценность, которую я хочу обсудить, признана рядом исследователей Нового Завета, и некоторые из них уловили ее и использовали для объяснения того, что часто происходит в библейских текстах. то, что известно как система патронажа или отношений покровителя и клиента в древнем мире, которая, по-видимому, была очень распространена в греко-римском мире и, по-видимому, лежит в основе ряда текстов. И что это было за отношения патрон-клиент, если быть очень упрощенными, то патроном был кто-то, кто был обеспечен в финансовом отношении, имел элитный социальный статус и имел финансовые средства, и этот человек также часто вступал в отношения, этот покровитель вступал в отношения с клиентом.

Клиентом был человек бедный, не очень обеспеченный, вероятно, очень бедный и находившийся на нижней ступеньке социально-экономического статуса. И что покровитель будет делать, так это вступать в отношения с клиентом и предоставлять клиенту финансовые или иные льготы, возможно, предоставляя ему работу или другие способы оказания помощи в обмен на клиентов, обычно на их политическую поддержку. И единственной адекватной

реакцией тогда клиента было ходить по свету и всем рассказывать, какой замечательный этот покровитель.

Итак, мы могли бы сказать, что когда наступит сегодня время, мы могли бы сказать, что когда придет время голосовать, тогда каждый будет знать, за кого голосовать. Но затем клиент восхвалял покровителя, предоставлял ему политическую поддержку и т. д. в обмен на это в качестве ответа и в благодарность за то, что сделал покровитель.

Неспособность отреагировать должным образом, неспособность ответить с благодарностью было серьёзным нарушением этих отношений и серьёзным нарушением этой социальной динамики. В каком-то смысле некоторые полагают, что Сам Бог изображается в Ветхом Новом Завете как высший покровитель, который дарует людям блага и отвечает там благодарностью. Но эти отношения покровителя и клиента, кажется, лежат в основе ряда вопросов в книге, таких как 1-е Послание к Коринфянам.

Например, в 1 Коринфянам 8, 9 и 10 Павел включает раздел, в котором он отказывается от финансовой поддержки коринфян, хотя он имел право получать их финансовую поддержку как апостол и даже несмотря на то, что он получал финансовую поддержку со стороны коринфян. другие церкви, такие как филиппийцы и, возможно, церковь в Риме и некоторые другие, то, что касается коринфян, он отказался от их финансовой поддержки, и отчасти это могло быть связано с отношениями покровителя и клиента и динамикой, которую он хотел избежать путаницы. в принятии их финансовой поддержки. И, я думаю, происходят и другие вещи : другая динамика в коринфском обществе была бы странствующими философами и своего рода учителями мудрости, которые собирали бы последователей, была бы конкуренция за сбор последователей, они заплатил бы одному из этих философов и странствующих учителей за их

услуги, и поэтому Павел хочет всего этого избежать. Но отношения покровителя и клиента и некоторые связанные с ними проблемы могли быть одной из причин, по которой Павел отказывается от финансовой поддержки в Коринфе.

То, как коринфяне относятся к своим лидерам в главах с 1 по 3, вы помните, что говорит Павел, некоторые из вас говорят: я Аполлосов, некоторые говорят, что я Павлов, я Кифин, некоторые говорят, что я Такое отношение к Иисусу, возможно, было обязано такому отношению, которое могло привести к разделению церкви, возможно, обязано этой динамике покровитель-клиент, существовавшей в Коринфе первого века. В главе 5, очень интересный текст, в главе 5 Первого Послания к Коринфянам автор Павел говорит о мужчине, вовлеченном в инцест, и церковь, похоже, готова это терпеть. Что действительно расстраивает Павла, так это не столько сам человек, хотя он и расстроен этим, сколько люди, которых критикуют за то, что они делают, - это церковь.

Что действительно расстраивает Пола, так это не только то, что мужчина совершает инцест, спит со своей матерью, женой своего отца, но и тот факт, что Пола действительно беспокоит тот факт, что церковь будет терпеть это. И, по крайней мере, мы бы подумали: ну, зачем кому-то такое делать? Возможно ли, что этот человек — богатый покровитель? И поэтому никто не хочет его трогать, никто не хочет его звать на это занятие. Это было бы неуместно для того, кто является покровителем, даровавшим блага.

Может быть, это богатый человек, у которого дома или в одной из церквей собирается церковь, и он даровал финансовые блага определенным людям. Никто не хочет критиковать его по этому поводу, и поэтому они вполне готовы закрыть глаза и терпеть это. Так возможно ли, что динамика типа покровитель-клиент объясняет, почему церковь готова терпеть это?

И, вероятно, есть ряд других, как признали многие комментаторы Первого Послания к Коринфянам, похоже, существует ряд других проблем, которыми Павел занимается в церкви в Коринфе, которые, вероятно, проистекают из этой системы патронажа, динамики покровителя-клиента. Чтобы привести пример другой книги Нового Завета, книги, ученый по имени Давид де Сильва утверждал, что Послание к Евреям зависит от системы патронажа и динамики типа покровителя-клиента, особенно от предупреждающих отрывков. В свете этого он интерпретирует, что происходит то, что читатели рискуют отказаться продемонстрировать благодарность и отказаться продемонстрировать благодарность кому-то, Богу, который спасительно даровал им так много благ.

А для читателей отказаться от этого и отвернуться было бы равносильно отказу клиента признать и выразить благодарность за то, что сделал покровитель, и за щедрый дар, который покровитель ему дал. Поэтому де Сильва анализирует большую часть Послания к Евреям в свете социальной динамики отношений покровитель-клиент. Послание к Филимону, скорее всего, также, по крайней мере частично, предполагает динамику патрон-клиент, потому что, когда вы читаете Филимону, самую последнюю книгу в корпусе Павла, когда вы читаете Филимону, Павел пишет так, как он ожидает, что Филимон узнает его ответственность и долг благодарности, которым он обязан Полу.

И Павел, кажется, сосредотачивается на этом и использует это как способ заставить Филимона довести дело до конца и вернуть Онисима. Основная цель Павла в книге — заставить Филимона вернуть Онисима, и часть того, что происходит, — это динамика системы покровительства «покровитель-клиент», которую хочет Павел как человек, который что-то сделал для Филимона, теперь он хочет, чтобы Филимон, в свою очередь, что-то сделал. Для Павла. В каком-то смысле он ответил тем же и выразил благодарность за то, что сделал Павел.

Так что здесь тоже может действовать некоторая динамика «покровитель-клиент». В более широком смысле, это интригующе, кажется, лежит в основе ряда книг Нового Завета, особенно книги Откровения, но я не собираюсь сосредотачиваться на какой-либо одной книге. Вся система имперского правления во многих отношениях, похоже, была построена на системе патронажа и патронажно-клиентских отношениях.

То есть Цезарь рассматривался как покровитель и даже помимо Цезаря, иногда богов, греко-римских богов, включая Цезаря, императора, которого все больше обожествляли и давали титулы божества и которому часто поклонялись наряду с пантеоном греко-римских богов. Римские боги. Я думаю, что часто покровителем был, извините, император, наряду с другими богами, рассматривавшийся как покровитель, даровавший такие блага, как мир, богатство и безопасность Риму, подданным Рима и они были клиентами, от которых ожидалось, что они выразят благодарность императору и другим богам, участвуя в фестивалях, церемониях или предоставляя возможности сделать это. И вы можете начать понимать, как это может создать трудности, особенно для некоторых авторов Нового Завета, пытающихся убедить читателей не участвовать в том, что они считали участием в языческом религиозном богослужении, и поставить под угрозу их отношения с Иисусом Христом и исключительное поклонение. что принадлежало Богу и Христу.

Но многие из них, действовавшие в рамках системы патронажа, возможно, считали немыслимым и нарушением социальных ценностей тот факт, что не выказывают благодарность императору за все, что он даровал. Поэтому, когда вы идете на работу и получаете зарплату, это не обязательно происходит именно так, но будь то урожайный урожай, или богатство, которое у них было, или работа, которую они имеют, они были в долгу перед своим покровителем,

император, а также греко-римские боги за то, что даровали им это. И было бы серьезным нарушением не выразить благодарность, например, посредством возможности выразить поклонение.

И поэтому в этом контексте иногда авторам Нового Завета приходится бороться с очень важным социальным кодом и призывать читателей иногда распутывать себя или отмежеваться от ситуаций, когда они призваны выразить благодарность и честь своему покровителю, императору. , или греко-римские боги. Таким образом, иногда взгляд на Ветхий и Новый Завет сквозь призму социальных ценностей и социальной динамики древнего мира посредством социологической критики может быть ценным, поскольку он пересекается с более традиционными задачами изучения истории в тексте. Поэтому важно быть внимательным к социологическому миру, о котором косвенно или явно говорится в библейском тексте.

Еще один интересный пример, мы уже упоминали об этом, когда немного говорили о характерах и повествовании, но в Евангелии от Иоанна, глава 8, стих 44, когда Иисус призывает фарисеев, с которыми у него спор, когда он призывает их, он говорит: ты от отца твоего дьявола. Это снова отражает важную социологическую динамику. Он опирается на понятие родственных связей, связанных с идеей семьи.

Вот кому вы принадлежите, ваше семейное происхождение отражается на вашем характере и на вашей собственной жизни. И таким образом, то, как фарисеи обращались с Иисусом, отказываясь верить истине и желая убить его в 8-й главе Иоанна, Иисус теперь демонстрирует и говорит им, что они на самом деле демонстрируют свое истинное происхождение, свои истинные родственные связи. Они принадлежат своему отцу, дьяволу, потому что он сам убийца и сам лжет.

Таким образом, можно получить самые разные знания, рассматривая социологическую подоплеку текстов Ветхого и Нового Завета. И, как я уже сказал, существует ряд полезных книг и серия социальных риторических комментариев, которые часто чувствительны к социологической динамике библейского текста и могут дать новое и свежее понимание того, как мы понимаем текст, и дать сортировку. Это долгожданное следствие и дополнение к нашим традиционным историческим подходам к библейскому тексту. Но мы сказали, что помимо изучения исторической подоплеку текста есть применение социологических моделей, обычно современных социологических моделей, к библейскому тексту.

Это теории о человеческом поведении и идеи современных социологических моделей, которые полностью применяются ко всем текстам или разделам библейского текста, чтобы пролить новый свет на понимание этих текстов. Опять же, позвольте мне привести вам пару примеров ученых, которые применили социологические модели для объяснения того, что происходит в библейском тексте, и моя цель - не согласиться с ними, оценить их или не согласиться с ними, а просто привести вам примеры. Что было сделано и как это работает, просто очень быстро. В Ветхом Завете один из самых известных примеров, на который большинство людей ссылается, чтобы проиллюстрировать социологическую интерпретацию Ветхого Завета, сосредоточен вокруг возвышения Израиля как нации, а также возникновения его монархии.

Многие пытались объяснить возникновение Израиля, особенно завоевание Ханаана, заселение этой земли, возникновение народа Израиля или то, как возникла монархия, царствование, и пытались объяснить это, используя социологические модели. Например, один исследователь Ветхого Завета по

имени Норман Готвальд предложил и разработал теорию, объясняющую происхождение Израиля, которую часто называют источником крестьянского восстания для понимания завоевания Израиля. И он говорит, что, по сути, произошло то, что произошло вместо более кочевой модели Израиля, входящей в землю, он сказал, что у вас есть бесправные крестьяне, которых угнетает ханаанская элита и иерархическое общество Ханаана, и теперь они восстают против этого и создают более общество эгалитарного типа.

Поэтому он использует теорию крестьянского восстания для объяснения повествований о завоеваниях в Ветхом Завете. Кроме того, снова рассматривая в еврейском мире апокалиптическую литературу в широком смысле, включая такие книги, как книга Даниила в частности, и другие еврейские апокалипсисы, я думаю, что мы уже говорили о Енохе раньше, но мы вернемся к этому виду литературы, когда О жанровой критике мы поговорим позже, а о двухтомном труде человека по имени Джеймс Чарльзуорт под названием «Псевдоэпиграфы Ветхого Завета». Первый том включает в себя коллекцию английских переводов большинства ранних еврейских и некоторых ранних еврейских христианских апокалипсисов.

Но в апокалиптической литературе, которая в основном записывает визионерский опыт человека, возносящегося на небеса, или через сон или опыт визионерского типа, они видят видения рая, небесного мира, ада. Иногда они отправляются в путешествие и видят разные места. Иногда они видят будущее.

Но апокалиптическая литература предоставила плодотворное поле для социологического анализа. То есть существовал большой интерес к социальной среде и социальной динамике, породившей такую литературу. Почему эта литература важна? Какие социологические факторы, какая социальная обстановка в древнем мире породили такого рода литературу, эти

апокалиптические визионерские переживания? Например, общепринято считать, что этот тип литературы — это литература маргинализированных и угнетенных.

То есть апокалиптическая литература возникает из группы, из чувства группового отчуждения или лишения. Это социальная среда для апокалиптической литературы. Таким образом, оно возникает из-за группы, которая чувствует себя отчужденной и бесправной по отношению к обществу и статус-кво.

Апокалиптическая литература, такая как книга Даниила и другие еврейские апокалипсисы или книга Откровение, призвана решить эти проблемы. Она вырастает из литературы группы, угнетенной и отчужденной от остального общества. А некоторые даже создали довольно сложные теории возникновения такого рода литературы, особенно рассматривая ее как часть выхода из борьбы, выхода из пророчества, ветхозаветного пророчества, выхода из борьбы между группой визионеров и группой, которая является жреческой элитой, и в результате этой борьбы возникла апокалиптическая литература.

Таким образом, социальная среда апокалиптической литературы, порождающая этот тип литературы, часто рассматривается как ситуация преследования, угнетения или лишений, и, кроме того, это также понимается в социологических терминах. В некоторых апокалипсисах было много споров о том, действительно ли существует конкретный кризис. Действительно ли апокалипсисы касаются конкретных ситуаций угнетения, преследований и кризисов? Одна социологическая модель предполагает, что апокалипсисы возникли в ответ на предполагаемые кризисы.

Так что читатели на самом деле не обязательно переживают кризис. Важно не то, подвергаются ли они объективному угнетению или преследованию, а то, чувствуют ли они это и осознают ли они, что существует воспринимаемый кризис. Теперь, я думаю, я думаю, что последнее слово о социальной обстановке апокалиптической литературы еще не сказано, но опять же, я просто привожу вам пример того, как можно использовать социологический анализ, чтобы попытаться объяснить истоки движения. , апокалиптическое движение или апокалиптический тип литературы.

Опять же, в прошлом это часто ассоциировалось с социальными ситуациями угнетения и отчуждения, неудавшимися ожиданиями и воспринимаемым кризисом как социологическая основа для этого типа литературы. Просто очень и очень кратко упомяну несколько других, особенно связанных с Новым Заветом. Например, существовало множество теорий о том, каким пророком был Иисус, множество социальных, опять же, взяв социологические модели, которые переходят к культурам и временам, и применяя их к Иисусу.

Был ли Иисус пророком миллениаристского типа, ожидавшим конца света? Стремился ли Иисус больше преобразовать общество? Был ли он целителем и чудотворцем? Был ли он харизматическим пророком? И, не вдаваясь в подробности, были всевозможные предположения относительно того, какого типа теория, каким пророком был Иисус и как это могло бы помочь нам понять, кем он был и что он делал. Существует ряд теорий, которые пытаются объяснить возникновение ранней церкви и то, что это было за общество. Ряд теорий пытаются объяснить, как церковь перешла от более харизматически ориентированного движения к движению, которое было более институциональным и институционализированным, и ряд теорий пытались объяснить это.

Опять же, мое намерение состоит не в том, чтобы оценить это или выразить согласие или несогласие, а просто в том, чтобы дать вам примеры того, как социологические модели использовались для понимания движения раннего христианства. Но в заключение мы поговорим немного в целях оценки в целом, как мы используем эти подходы. Один интересный пример: один социолог, социолог Джон Гейгер, хорошо известный своими работами по объяснению происхождения ранней церковной общины, объяснил возникновение христианства реакцией на неудавшееся пророчество.

Анализируя ряд других движений, Гейгер, по сути, сказал, что общим явлением для многих движений является то, что на ранних этапах движениям приходится сталкиваться с не оправдавшимися ожиданиями и несостоявшимися пророчествами. И один из способов, которыми они это делают, — это обращение в свою веру, а также через обращение в свою веру и евангелизацию, собирая следующих в группу, что является своего рода идеей безопасности в количестве. Поступая так, они в некотором смысле могут сохранить лицо или сохранить свое существование в группе и, возможно, затем справиться с этими не оправдавшимися ожиданиями.

Итак, Гейгер пытается объяснить возникновение христианства через понимание реакции на неудавшееся пророчество. Опять же, есть и другие бесчисленные теории. Мы уже упоминали человека по имени Давид да Силва или Брюс Молина.

Герд Тайсон — еще один важный человек, много написавший о социологическом анализе. Опять же, использование целых моделей для объяснения раннего движения христианства или возникновения израильской нации, или его монархии, или чего-то в этом роде. Посредством положительной оценки социологических моделей не только социологического фона, но и применения

моделей, социологические модели могут иногда обеспечивать ценную интерпретативную информацию, проливая новый свет на текст и объясняя, что происходит, предоставляя новые объяснения. за то, что происходит в тексте, и помогает нам преодолеть дистанцию с текстом.

Например, в 11-й главе 1-го Послания к Коринфянам, где Павел обращается к другой проблеме или ситуации в Коринфской церкви, и начиная со стиха 17, Павел обращается к проблеме в Церкви, Коринфской Церкви, когда она собирается для поклонения, а также в том, как она проводит причастие или Евхаристия или Вечеря Господня. В 1-м Послании к Коринфянам 11, начиная с 17-й главы и до конца, социологический анализ и предыстория действительно помогли, я думаю, пролить ценную информацию об этом тексте. Основная проблема не только богословская, потому что мы часто толковали этот текст, особенно когда Павел критикует коринфян за недостойное принятие Вечери Господней.

Мы часто интерпретировали этот текст в основном в богословском ключе, утверждая, что Павел критикует коринфян за грех в их жизни, когда они принимают Вечерю Господню, когда у них есть неисповеданный грех. И поэтому Павел призывает их оценить себя, и это сохраняется и сегодня в том, как мы часто относимся к этому тексту, особенно когда мы сегодня участвуем в наших церквях и собраниях в Евхаристии или Вечере Господней. Но социологическое объяснение могло бы на самом деле обеспечить ясный путь к пониманию проблемы, и именно вся динамика покровителя-клиента или вся социальная динамика богатых и бедных, вероятно, является основной проблемой, лежащей в основе злоупотребления коринфянами Вечерей Господней.

То есть, скорее всего, поскольку коринфяне участвовали в причащении или Евхаристии, Вечере Господней, весь патрон-клиент или целые социальные слои

между богатыми и бедными перетекли бы и повлияли на то, что коринфяне, все это динамичное и светское общество теперь перешло в их церковные службы и собрания и теперь влияло на то, как они участвовали в Вечере Господней. То есть то, что было бы естественно для любого, живущего в Коринфе, в этом покровителе-клиенте или в этом обществе с этим, прослойки между богатыми и более бедными членами общества были бы, когда они садились и ели пищу, Для богатых было обычным делом собираться в определенном месте дома и фактически участвовать в более дорогой и изысканной еде, подходящей для богатых. В то время как бедные члены общества, принадлежащие к низшим социально-экономическим слоям, собирались бы в другом месте дома и ели бы пищу более низкого качества.

И вдобавок к этому, возможно, у вас были бы рабы, обслуживающие обоих, особенно богатых. Итак, главная трудность, главная проблема Павла не в том, что коринфяне участвуют в Вечере Господней с неправильным богословским пониманием или с неисповеданными грехами в своей жизни, а в том, что они принимают пищу, Вечерю Господню, Евхаристию, которая должны указывать и праздновать свое единство. Теперь они участвуют в этом в контексте, который еще больше увековечивает социально-экономические различия греко-римского общества.

Разделив бедных и богатых, богатых и бедных, поместив богатых в одном месте, питаясь лучшей пищей, а бедных где-то в другом, питаясь меньшей пищей, а богатые напиваются и наедаются, и называя это Господним Ужин. Вот что так расстроило Пола. Поэтому, когда он говорит, когда он критикует их за недостойное участие в Вечере Господней, я снова убежден, что он в первую очередь направляет свои комментарии и свою риторику на то, как коринфяне используют Вечерю Господню.

То есть они участвуют в нем в контексте, который отражает социальные, социологические измерения коринфского общества, где различаются богатые и бедные, происходящая динамика покровителя и клиента. И поэтому, когда он велит им проверить себя, речь идет не столько о том, чтобы просить прощения за все плохое, что они сделали. Речь идет скорее о том, чтобы изучить, как они используют Вечерю Господню для создания разделения и увековечивания социального разделения, чем для того, чтобы использовать ее для создания единства и выражения своего единства в Иисусе Христе.

Вторая ценность этого подхода, очевидно, состоит в том, что он снова помещает Ветхий и Новый Заветы в исторический и социологический контекст. Как говорят некоторые ученые, это воплощенный подход к толкованию Библии. То есть все это означает лишь напоминание о том, что оно выросло из определенного социального и исторического контекста.

И эти подходы могут помочь нам справиться с этим. Одна из немногих проблем социологического подхода, особенно массового применения социологических моделей, особенно современных социологических моделей, является номером один: социологические подходы к Ветхому и Новому Заветам иногда имеют тенденцию и опасность быть редукционистским. То есть создается впечатление, что единственное объяснение текста и единственное объяснение происходящего является социологическим и может исключить другие богословские и исторические объяснения ситуации.

Поэтому иногда за применением социологических моделей стоят редукционистские тенденции. Другой вариант, как бы связанный с этим, часто представляет собой социологические модели, которые имеют тенденцию быть антисверхъестественными. То есть они дают исключительно естественное социологическое объяснение, игнорируя при этом возможность вмешательства

Бога в историю, а также предоставляя богословское объяснение происходящему.

Это оставляет без внимания объяснения, которые допускали бы божественное вмешательство и Божью работу среди людей. Так, например, предоставление исключительно социологического объяснения возникновения нации Израиля, игнорируя при этом теологические измерения и деятельность Бога в создании своей нации, было бы примером редукционистского подхода, но также подхода, который игнорирует божественное и сверхъестественное измерение библейского текста. В-третьих, социологические модели рискуют навязать модели, особенно современные, Ветхому Новому Завету.

В применении современных моделей к библейскому тексту нет ничего предвзятого. Проблема в том, что их навязывают в тексте, когда они на самом деле являются моделями, не соответствующими библейскому тексту, но их все равно используют, чтобы попытаться их объяснить. Некоторые современные социологические модели могут фактически отражать ценности и ситуации, которые сильно отличаются от древнего мира.

Итак, в библейском тексте, особенно в современных социологических моделях, необходимо постоянно проверять данные текста и то, что мы знаем о древнем мире. И, наконец, некоторые модели требуют, фактически требуют, отвергнуть и отложить в сторону части данных и части текста, библейского текста, чтобы модель работала. Поэтому, я думаю, более уместным является призыв к эклектичному подходу, который использует социологические модели наряду с другими моделями, такими как исторические критические подходы и типичные исторические подходы, но также использует их в качестве интеграции с другими интерпретативными техниками и другими интерпретативными методами.

Таким образом , при использовании вместе с другими историческими методами, при реализации с другими методами герменевтики и другими методами интерпретации, социологическая критика действительно может стать ценным инструментом, позволяющим по-новому взглянуть на библейский текст и помогающим нам понять его более ясно. Опять же, то, чего я смог коснуться только на этом сеансе. Начиная со следующего занятия, мы перейдем к разговору о другом методе интерпретации — о жанровой критике.

Как понимание того, с какой литературой мы имеем дело, влияет на понимание библейского текста? Мы рассмотрим это на следующем заседании.